

8. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 2002.
9. Сурова Е. Э. Глобальная эпоха: полифония идентичности. СПб., 2005.
10. Сурова Е. Э. Европейец «отчужденный»: Персоналистская личность. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004.
11. Сурова Е. Э. Идентичность. Идентификация. Образ. СПб.: Петрополис, 2010.
12. Узбестер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.
13. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В. В. Биbihина. М.: AD MARGINEM 1997.
14. Хайдеггер М. Время картины мира. // Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993.
15. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие. М.: Республика, 1993.
16. Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001.

REFERENCES

1. Val'denfel's B. Zhalo Chuzhdogo / Al'manah «Metafizicheskie issledovanija». / Per. Surovoj E. E. SPb., 1998. № 5.
2. Vanejgem R. Revoljucija povsednevnoj zhizni. Traktat ob umenii zhit' dlja molodyh pokolenij. M.: Gileja, 2005.
3. Gusserl' E. Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoj filosofii. M.: Labirint, 1994.
4. Gusserl' E. Krizis evropejskih nauk i transcendental'naja fenomenologija / Per. V. I. Molchanova // Logos. 2002. № 1. S. 132–143.
5. Gusserl' E. Fenomenologija vnutrennego soznaniya vremeni // Sobr. soch. M.: Gnozis, 1994. T. 1.
6. Kant I. Kritika sposobnosti suzhdenija. M.: Iskusstvo, 1994.
7. Kastel's M. Informacionnaja epoha. M., 2000.
8. Leleko V. D. Prostranstvo povsednevnosti v evropejskoj kul'ture. SPb., 2002.
9. Surova E. E. Global'naja jepoha: polifonija identichnosti. SPb, 2005.
10. Surova E. E. Evropeec «otchuzhdennyj»: Personalistskaja lichnost'. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004.
11. Surova E. E. Identichnost'. Identifikacija. Obraz. SPb.: Petropolis, 2010 (v pechati).
12. Ujebster F. Teorii informacionnogo obshchestva. M., 2004.
13. Hajdegger M. Bytie i vremja. Per. Bibihina V. V. M.: AD MARGINEM 1997.
14. Hajdegger M. Vremja kartiny mira // Raboty i razmyshlenija raznyh let. M.: Gnozis, 1993.
15. Hajdegger M. Chto takoe metafizika? // Vremja i bytie. M.: Respublika, 1993.
16. Jelias N. Obshchestvo individov. M., 2001.

С. И. Платонова

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ XX ВЕКА

Рассмотрены основные характеристики неклассической парадигмы социального исследования на примере феноменологической социальной теории. Дан сравнительный анализ классической парадигмы и неклассической парадигмы социального знания.

Ключевые слова: неклассическая эпистемология, методология, парадигма, социальная теория, феноменологическая социология.

S. Platonova

NONCLASSICAL PARADIGM OF SOCIAL RESEARCH IN EPISTEMOLOGICAL A XX-TH CENTURY CONTEXT

In article the basic characteristics of a nonclassical paradigm of social research on an example of the phenomenological social theory are considered. The comparative analysis of a classical paradigm and a nonclassical paradigm of social research is given.

Keywords: nonclassical epistemology, methodology, paradigm, social theory, phenomenological sociology.

В качестве ведущей черты неклассической эпистемологии многие исследователи отмечают переход от ориентации на каноны наук, изучающих природу, к признанию равноправия с природой культуры, социальной сферы и соответственно равноправия изучающих их наук с естествознанием. Можно утверждать, что социально-гуманитарные науки обрели свой статус, признание только в рамках неклассической эпистемологии. Среди мыслителей, повлиявших на формирование подходов к изучению общества в рамках неклассической эпистемологии, необходимо назвать Г. Риккерта, В. Виндельбанда, В. Дильтея, которые показали существование гуманитарных наук, отличных от социальных и естественных наук тем, что они используют методы индивидуализации и понимания вместо методов генерализации и объяснения.

Зададимся вопросом: каковы особенности применения неклассической эпистемологии в современных социальных теориях? Каким образом неклассическая эпистемология оказывает влияние на способы интерпретации социальной реальности, на теорию и методологию социальных исследований? Другими словами, каковы особенности неклассической парадигмы социального исследования?

Если обратиться к истории социального знания, то, на наш взгляд, одна из первых попыток построить теорию, идеал научности которой находился под влиянием неклассической социальной парадигмы, встречается в работах выдающегося австрийско-американского философа и социолога А. Шюца. Он является основоположником феноменологической социологии. Системное же изложение феноменологическая социология получила в работах учеников А. Шюца — П. Бергера и Т. Лукмана. Прежде всего, речь идет об их знаменитой работе «Социальное конструирование реальности» (1966). Необходимо отметить, что на становление концепции А. Шюца повлияли феноменология Э. Гуссерля и теория социального действия М. Вебера. В основании феноменологической социологии А. Шюца лежат концепция «жизненного мира», а также понятие естественной установки.

А. Шюц определяет жизненный мир как мир, в котором «мы, как человеческие

существа среди себе подобных, живем в обществе и культуре, зависим от их объектов, которые воздействуют на нас и, в свою очередь, подвергаются нашему воздействию» [8, с. 391]. Жизненный мир — это до- и вненаучный мир, предшествующий научно-теоретическому миру, который представляет собой его «опредмечивание». Именно в жизненном мире сокрыты очевидности, обеспечивающие доступ к реальности. «Поэтому обыденный человек, погруженный в жизненный мир и непосредственно переживающий его, обладает... преимуществом перед человеком науки. Жизненный мир в качестве intersубъективной реальности является, прежде всего, социальной реальностью» [6, с. 492]. Жизненный мир является intersубъективным миром, т. е. мир переживается человеком как общий для него и других. Intersубъективное понимание основывается на двух принципиальных допущениях. Первое допущение может быть названо «обоюдностью перспективы». Оно говорит о том, что для того, чтобы разговор между двумя людьми имел смысл, каждый должен уметь встать на точку зрения и на позицию другого и все должны быть в состоянии понять друг друга. Второе допущение — «смысловая конгруэнтность перспективы» — означает, что обе стороны в разговоре полагают, что они истолковывают ситуацию сходным образом. Именно в жизненном мире А. Шюц искал истоки и основания всех стабильных систем взаимодействия. Социология не должна принимать жизненный мир «на веру», как данное. Наоборот, ее задачей является исследование природы этой данности. Первостепенной задачей методологии социальных наук является исследование основных принципов, в соответствии с которыми человек в повседневной жизни организует свой опыт и, в частности, опыт социального мира.

Другое центральное понятие его социологии — естественная установка — понимается А. Шюцем как «наивная» точка зрения находящегося в конкретной ситуации «я». Исследователи отмечают, что в то время как Э. Гуссерль в своей феноменологии «заключает в скобки» естественную установку, А. Шюц все свои усилия направляет именно на изучение этого понятия. Он полагает,

что «задача социологии состоит в описании и выявлении процесса конституирования обыденного социального мира» [3, с. 267]. Анализируя естественную установку, А. Шюц обращает внимание на следующие особенности социальной жизни. Жизненный мир состоит из будничных действий и институтов, социально принятых условностей, посредством которых люди категоризируют опыт и сообщают о нем. А. Шюц называет это знанием первого порядка. Это знание, которое определяется жизненным миром и которое организовано в типических структурах, называемых социологом типизациями. Данные типизации, выраженные в обыденном языке, являются приблизительными и поверхностными. Знание второго порядка составляется, напротив, научным пониманием специалистов, при помощи которого обществовед интерпретирует и понимает осознанные здравым смыслом структуры жизненного мира. При этом социологическое объяснение будет считаться обоснованным, если социолог сможет продемонстрировать, что оно основано на значениях, используемых индивидами в повседневных практиках конституирования социальной реальности.

Концепция Шюца пытается объяснить происхождение социально-научных теорий и их изначальную глубинную связь с повседневной реальностью, т. е. с социокультурным миром, в котором живут и действуют практические социальные индивиды. Более того, она показывает, что сами ученые, изучающие общество, представляют собой в некоторой степени обыденных индивидов, не только практические действия, но и теории которых определяются, в конечном счете, их повседневными конструктами, зачастую почти в неизменном виде входящими в их теоретические объяснения. В этом последнем смысле методологическая концепция А. Шюца представляет собой прекрасное объяснение механизмов культурной обусловленности всякого научного познания.

Феноменологически ориентированное социальное знание строится не «сверху», путем создания особой реальности идеализированных объектов, но растет «снизу», путем систематического выявления связи между единицами непосредственных переживаний

человека и макросоциальными явлениями. Социологическая теория должна расти «снизу». Только будучи построенной «снизу доверху», она в состоянии выявить взаимоотношения между макросоциологическими феноменами и единицами непосредственных человеческих переживаний. Сама постановка подобной задачи и поиск методологических средств ее разрешения — бесспорный вклад феноменологии жизненного мира в историю социальной методологии. Как справедливо замечает Л. Г. Ионин, в обыкновенной социологии эта проблема не возникает [8, с. 391]. То, что другие люди существуют и их действия имеют субъективный смысл, что люди ориентируют свои действия в соответствии с действиями других, что коммуникация и взаимопонимание возможны, — все это предполагается как данное, но не анализируется. В таком случае теория и методы социального познания не могут быть адекватно обоснованы, а их строгость и научность оказываются эфемерными. Может ли в таком случае наука претендовать на объективность?

Именно возможность продемонстрировать связи между конструктами первого и второго уровня отличает феноменологическое объяснение от позитивистского объяснения. Однако концептуализации второго порядка всегда носят искусственный характер. Научные конструкции являются идеально-типическими конструктами. Те черты, которые отбираются как типичные, зависят от точки зрения социолога. Набор характеристик, подлежащих типизированию, детерминирован точкой зрения ученого-интерпретатора. Как в повседневном, так и в научном мышлении характер ответа зависит от постановки вопроса.

Системное изложение феноменологическая социология, как уже было отмечено выше, получила в работах П. Бергера и Т. Лукмана. П. Бергер использовал методологическую установку А. Шюца на изучение «жизненного мира» и влияния повседневности на формирование социальных структур. Рассматривая социальную позицию Э. Дюркгейма и М. Вебера, П. Бергер отмечает, что «дюркгеймовский и веберовский взгляды на общество логически не противоречат друг другу. Они просто составляют антитезу, ибо в центре их внимания находятся разные

аспекты социальной реальности. Совершенно правильно будет сказать, что общество является объективным фактом, что оно формирует и даже принуждает нас. Но так же верно и то, что наши осмысленные действия способствуют поддержанию общественного здания и могут сыграть свою роль в его изменении. Эти два утверждения содержат в себе парадокс социального существования: общество определяет нас, а мы, в свою очередь, определяем общество» [1, с. 119–120]. П. Бергер и Т. Лукман стремятся согласовать человеческую автономию и принудительность социальных структур, утверждая, что наряду с детерминацией объективных структур существует детерминация со стороны сознания индивидов, которые через конкретные социокультурные действия осуществляют конструирование социальной реальности. Тогда главный для социальной теории вопрос может быть поставлен в следующем виде: «каким образом субъективные значения становятся объективной фактичностью?» [2, с. 36]. Таким образом, целью социальной теории является анализ «реальности повседневной жизни, точнее, знания, определяющего поведение в повседневной жизни» [2, с. 37].

Для решения данной задачи социологи предлагают обратиться к повседневной реальности в ее осмыслении рядовыми членами общества. «Повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира... Среди множества реальностей существует одна, представляющая собой реальность *par excellence*. Это — реальность повседневной жизни. Ее привилегированное положение дает ей право называться высшей реальностью» [2, с. 38–40]. Основным методом, способствующим прояснению оснований знания в повседневной жизни, является, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, феноменологический анализ, который «воздерживается от причинных и генетических гипотез так же, как и от утверждений относительно онтологического статуса анализируемых феноменов» [2, с. 39]. Последовательно раскрывая содержание своей феноменологической социологии, авторы оперируют понятиями

«интерсубъективный мир», «естественная установка», «повседневное знание», «реальность повседневной жизни». Повседневная жизнь существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность. «Реальность повседневной жизни содержит схемы типизации, на языке которых возможно понимание других и общение с ними в ситуациях лицом-к-лицу. Люди воспринимают других людей как определенный тип и взаимодействуют с ними в ситуациях, которые являются типичными. И чем дальше типизации социального взаимодействия удалены от ситуации лицом-к-лицу, тем более они анонимны» [2, с. 55–56].

Социальные структуры не представляются чем-то существующим над людьми и определяющим их поведение и поступки. Напротив, они принимаются как существующие в сознании людей, в привычках и в повседневных обычаях, в рамках которых большинство людей предпочитают проживать свою жизнь. Таким образом, получается, что мы, люди, конструируем социальные структуры, в которых существуем. Эти привычки и обычаи имеют определенную власть над нами, так что впоследствии они становятся объективными социальными институтами, начинающими в той или иной мере воздействовать на наши поступки. Социальная структура — это вся сумма типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия. В качестве таковой социальная структура является существенным элементом реальности повседневной жизни. Человеческая экспрессивность объективируется, т. е. проявляет себя в продуктах человеческой деятельности, доступных как ее создателям, так и другим людям в качестве элементов общего всем мира. Реальность обыденного мира не только полна объективаций, в значительной степени благодаря этим объективациям она существует. Ибо в противном случае каждый жил бы только в мире своих представлений, а мышление, деятельность и бытие других было бы для него «нереальным». В основе социальных конструкций реальности лежит объективация языка.

Особую роль в конструировании социальной реальности П. Бергер и Т. Лукман отводят языку. Повседневная жизнь — это жизнь,

которую другие разделяют посредством языка. Язык, по мнению социологов, «может стать объективным хранилищем огромного разнообразия накопленных значений, жизненного опыта, которые можно сохранить во времени и передать последующим поколениям» [2, с. 65–66]. С помощью языка человек объективирует свое собственное бытие. Язык делает понятной и стабильной собственную субъективность человека. Язык возникает в повседневной жизни и тесно связан с ней. Человек сталкивается с языком как с внешней для него фактичностью, и он оказывает на человека свое принудительное влияние. «Язык предоставляет мне готовую возможность непрерывной объективации моего возрастающего опыта... Язык раздвигает свои рамки так гибко, что позволяет мне объективировать огромное множество переживаний на протяжении всей моей жизни. Язык также типизирует мои переживания и опыт, позволяя распределить их по более широким категориям, в терминах которых они приобретают значение не только для меня, но и для других людей. В той мере, в какой язык типизирует опыт, он делает его анонимным, так как опыт, подвергшийся типизации, в принципе может быть воспроизведен любым, кто попадает в рассматриваемую категорию» [2, с. 67–68]. Таким образом, именно с помощью языка человек объективирует собственное бытие, типизирует свой жизненный мир, а язык подчиняет человека своим структурам. П. Бергер и Т. Лукман, предлагающие свое объяснение общества, осуществляют конструирование социального мира, а не выясняют его строение. Позитивистская социология, по мнению социальных феноменологов, не может осознать, что исследуемая ею социальная реальность является «инобытием» позитивных методов. Именно позитивные методы порождают ту самую картину социальной реальности, на исследование которой позитивистская социология и направляет свои усилия. Что же на самом деле требует объяснения, так это процессы, посредством которых социальная реальность конституируется как опыт повседневной жизни.

Социальная феноменология, представленная работами А. Шюца, П. Бергера,

Т. Лукмана в своих онтологических, гносеологических, методологических основаниях, противоположна классическим социологическим теориям. Неклассическая социальная парадигма находит конкретное воплощение в социальной феноменологии указанных мыслителей. Если предметом классической социальной парадигмы являются крупномасштабные социальные структуры, то предметом феноменологической социологии является intersubjectивный мир повседневной жизни и процесс его социального конструирования. Если классическая социальная парадигма предлагает строгую дихотомию субъект-объектных отношений, то феноменологическая социология смещает разрыв между субъектом и объектом: «это мир, складывающийся из intersubjectивных отношений между людьми, где в ходе непосредственных контактов между индивидами вырабатываются личностно окрашенные значения, которыми наделяются социальные процессы» [6, с. 492]. Если классическая социальная парадигма предлагает точное и строгое знание, то феноменологическая социология осознает, что ее научные открытия являются относительными, временными истинами, зависящими и от путей познания, и от способов интерпретации, которые впоследствии могут быть изменены. «Утверждение о том, что смысл рождается в процессе интерпретации, методологически означает отказ от свойственной классической парадигме социального знания позиции абсолютного наблюдателя — допущения о возможности единственно правильного образа реальности и единственно верной перспективы его видения с внешней... точки зрения», — считает Н. М. Смирнова [5, с. 219–220]. Позиция абсолютного наблюдателя классической социальной парадигмы заменяется позицией незаинтересованного наблюдателя в неклассической социальной парадигме. Принятие установки незаинтересованного наблюдателя означает, что социолог временно покидает область повседневных значений, в рамках которых выступает центром собственного жизненного мира. При этом он на время сознательно исключает себя и из наблюдаемой ситуации. Она обретает для

него не практический, а когнитивный интерес. Это означает, что «берутся в скобки» собственные надежды, ценности, интересы. «Решением занять незаинтересованную позицию внешнего наблюдателя социальный ученый временно отстраняет себя как от биографической ситуации в социальном мире, так и от связанной с нею естественной установки сознания», — подчеркивает Н. М. Смирнова [5, с. 220]. Итак, если в классической социальной парадигме теоретик стремится к достижению абсолютной истины, то ученый, работающий в рамках неклассической социальной парадигмы, признает только относительную истину. Социальный ученый осознает, что понимание человеческой деятельности является бесконечным процессом.

Таким образом, одним из вариантов неклассической социальной парадигмы является феноменологическая социология. Среди важных особенностей феноменологической социологии можно выделить следующие особенности:

- понимание становится общей научной методологией;
- используется «мягкая» методология, которая включает, в частности, феноменологический метод, методы типизации, интерпретации, идеализации;
- меняется онтология социальной реальности, к которой принцип методологического коллективизма не применим. На место изолированного индивида приходит субъект социальный, который включен в структуру самых разнообразных связей и, вместе с тем, сам является их творцом;
- происходит отказ от жесткой дихотомии субъект-объектных отношений. Социальный мир как объект не противопоставляется человеку как субъекту, становление этой объективности происходит в ходе процессов, протекающих в жизненном мире;
- позиция абсолютного наблюдателя заменяется позицией незаинтересованного наблюдателя;
- понятие абсолютной истины заменяется понятием относительной истины. Как в повседневном, так и в научном мышлении, характер ответа зависит от постановки вопроса;

- выявляется связь между теорией и переживаемой социальной реальностью. Понятийные конструкты социальных наук являются «конструктами второго порядка», т. е. конструктами конструктов, созданных самими действующими людьми, чье поведение социолог должен объяснить в соответствии с процедурами своей науки;

- происходит отказ от жестких, однозначных понятий; понятия должны обладать «открытым горизонтом значений».

Феноменологически ориентированный социолог осуществляет конструирование социального мира, а не выясняет его строение. Как правильно заметила В. Г. Федотова, «специфика гуманитарных наук состоит в их укорененности в обыденном знании... Понимать — это значит говорить... на всем понятном языке, и, что особенно существенно... — понятном для того, о ком говорят» [7, с. 72-73].

Между тем можно указать на ряд теоретических слабостей феноменологически ориентированной социальной теории. Г. В. Осипов считает, что нельзя согласиться с тем, что в основе социальных конструкций реальности лежит объективация языка, которая придает смысл и в пределах которой повседневная жизнь приобретает значение для людей [4, с. 223]. Попытка понять общество через понимание отдельного человека, объективацию его языка является односторонней. Принимать в качестве отправной исследовательской позиции человека, который является результатом своего общества и принадлежит обществу, означает, в конечном счете, абстрагирование от общества. Чрезмерная дихотомия объективного и субъективного начал социальной реальности была предметом критики последующих социальных мыслителей.

Мы хотели показать, что неклассическая парадигма социального исследования может найти конкретное теоретическое воплощение, в частности, в феноменологической социальной теории. Тем самым претензии классической, объективистской парадигмы социального исследования отобразить в своих понятиях и закономерностях динамически развивающееся общество обрели серьезную альтернативу, порождающую

новые философско-методологические идеи. Социальные теории на основе классической парадигмы существенно сужают сферу социального знания, так как в центре их внимания — крупномасштабные социальные структуры. Появление неклассической парадигмы социального исследования не отменяет классической парадигмы. Это связано с различными исследовательскими стратегиями построения социальной теории, дополняющими друг друга в процессе исследования реальности. Классическая парадигма направлена на выявление закономерностей социальной жизни и способов осуществления социальных целей, в то время как неклассическая парадигма направлена на выяснение жизненно смысловых мотивов социальных действий индивида.

Классическая парадигма исходит из структурно-функционального характера социального процесса, акцентируя такой момент, как взаимодействие человека с обществом. Человек рассматривается как элемент

социальной системы, которая полностью задает алгоритм этой социальной деятельности. Неклассическая парадигма подчеркивает роль ценностно-смысловой мотивации социальной деятельности индивидов, невозможность устранить глубинный смысл социального взаимодействия при построении социальной теории. При этом отмечается, что социальные институты созданы самими индивидами, и их функции изменяются на основе изменения ценностно-смысловых ориентаций индивидов. Классическая парадигма акцентирует внимание на моменте устойчивости общества, на социальной статике, а неклассическая парадигма подчеркивает относительность любых социальных институтов, схем социальной деятельности, рассматривая социальные процессы с позиций динамики. Итак, неклассическая парадигма социального исследования, появившаяся в первой половине XX века, отвечает, по нашему мнению, стандартам неклассической эпистемологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П. Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М.: Аспект Пресс, 1996. 168 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.
3. Волков Ю. Г., Нечипуренко В. П., Самыгин С. И. Социология: история и современность. Ростов-н/Д.: Феникс, 1999. 672 с.
4. Осипов Г. В. Социология и социальное мифотворчество. М.: NORMA, 2002. 656 с.
5. Смирнова Н. М. Феноменологический проект методологии социально-философского анализа // История методологии социального познания. Конец XIX–XX век. М.: ИФ РАН, 2001. 247 с.
6. Социальная философия: Словарь / Сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. М.: Академический проект, 2003. 560 с.
7. Социальные знания и социальные изменения. М.: ИФ РАН, 2001. 284 с.
8. Философия социальных и гуманитарных наук: Учебное пособие для вузов / Под ред. С. А. Лебедева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2008. 733 с.

REFERENCES

1. Berger P. L. Priglasenie v sociologiju: Gumanisticheskaja perspektiva. M.: Aspekt Press, 1996. 168 s.
2. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. M.: Academia-Centr Medium, 1995. 323 s.
3. Volkov Ju. G., Nechipurenko V. P., Samygin S. I. Sociologija: istorija i sovremennost'. Rostov n/D.: Feniks, 1999. 672 s.
4. Osipov G. V. Sociologija i social'noe mifotvorcestvo. M.: NORMA, 2002. 656 s.
5. Smirnova N. M. Fenomenologicheskij proekt metodologii social'no-filosofskogo analiza // Istorija metodologii social'nogo poznanija. Konec XIX–XX vek. M.: IF RAN, 2001. 247 s.
6. Social'naja filosofija: Slovar' /Sost. i red. V. E. Kemerov, T. H. Kerimov. M.: Akademicheskij proekt, 2003. 560 s.
7. Social'nye znaniya i social'nye izmenenija. M.: IF RAN, 2001. 284 s.
8. Filosofija social'nyh i gumanitarnyh nauk: Uchebnoe posobie dlja vuzov / Pod red. S. A. Lebedeva. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Akademicheskij proekt, 2008. 733 s.